

ЛАЗА ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВНА*

Институт государственно-конфессиональных
отношений

Пятигорского государственного
лингвистического университета
Русија

УДК 316:271.2

Оригиналан научни рад

Примљен: 23.05.2012

Одобен: 14.06.2012

ТАЙНА СОЦИАЛЬНОГО АРХЕТИПА ПРАВОСЛАВИЯ

Аннотация: В статье рассматривается образ детства как основа и фундаментальный элемент социального архетипа православия. Анализируются различные подходы к определению понятия «архетип», делается вывод о необходимости более четкого определения структуры и истоков социального архетипа православия.

Ключевые слова: архетип, социальный, православие, традиция, детство, образ, аскеза, русский, народ

С точки зрения православной антропологии, каждый человек изначально несет в себе с одной стороны образ Божий, а с другой всю тяжесть первородного греха, что несомненно отражается на его внутреннем устройении. Тем не менее, коллективный опыт передается через воспитание, он интериоризируется культурой, но не изначален. Поэтому именно в процессе социализации человек усваивает основу социального архетипа укорененного в области ценностей и идей культуры.

Социальный архетип православия, возникнув в эпоху распространения и кристаллизации христианской культуры, являет собой ту первоначальную реальность, через которую человек начинал воспринимать мир входил в социальное пространство христианской традиции.

Начиная с эпохи раннего христианства, весь христианский мир мыслился как мир детства, так как при крещении (которое часто совер-

* laza69@mail.ru

шалось над взрослыми людьми) человек переживал второе рождение и становился *tabula rasa*, младенцем во Христе. Человек приобретал целостность присущую лишь детям, которые не знают еще раскола на прошлое, настоящее и будущее - поэтому причастны Вечности. В лоне православия человек начинал ощущать чудесную связь всего со всем, детскую способность во всем увидеть нечто другое, внутреннюю открытость и веру. Это является подтверждением непосредственной детскости религии и самого религиозного опыта.

Русский народ вместе с восточной христианской традицией воспринял и это ощущение Богосыновства, воспринимая слова Господа «будьте как дети» не иначе как призыв к целостному восприятию мира, к детскому не рассудочному восприятию религии, именно восприятию, а не пониманию, которое так характерно для взрослых. Именно эту целостность чаще всего теряют люди уходя из детства. Принято говорить о «мягком» и «жестком» сердце. Первое обычно бывает у детей; «жесткое» - у большинства взрослых. Поэтому у детей, мы чаще встречаемся с верой сердечной, которая много выше веры разумной. «Веровать сердцем» означает поверить, что то, о чем говорит нам наше сердце, то, к чему мы стремимся и чего желаем, есть несомненная истина, а потому и свершится несомненно. В период взросления, обычно происходит удаление от детской чистоты и невинности, «вера сердечная» часто сменяется «верой разумной» - взрослой. Разум же являет себя в рассуждениях, доводах, часто в очень сложных, длинных умозаключениях, которые легко и незаметно могут увести человека от Истины. С этой точки зрения, по мнению Александра Шмемана «...взрослость – это торжество ... раздвоенности, неспособности уже целиком без остатка, отдаться ничему; это глубокий, все разъедающий скепсис, это глубочайшее внутреннее недоверие и как их следствие – страх...».[1, с. 136] Поэтому все христианское учение – это учение о том как вернуться к этой детской способности жить целостно, преодолеть «взрослую» грусть, приобрести «Радость и мир в Духе Святом» (Рим. 14:17), которых никто не сможет отнять.

На протяжении многих столетий после принятия христианства, Древняя Русь хранила эту детскую, «сердечную веру». Она не знала вопроса о смысле жизни. «Человек, яко трава дние его» (Пс.102, 15) - краткий миг на пороге Вечности. Чаение будущего века неудержимо влекло в монастыри и паломнические странствия, побуждало вкладывать целые состояния в созидание и благоустройство храмов, налагать на себя обеты. Спасти для Вечности свою бессмертную душу, не попуская ее расточаться на призрачные соблазны, поработаться животными

страстями, и всячески стараться «прилепляться Богови», - такими смысловыми лучами взращивалось древнерусское благочестие.

Считалось, что делание о Христе есть делание ради Христа и со Христом, - цель и средство в нем неразличимы. Поэтому-то «могущему вместить» и сказано, что верующий во Христа «не судится, а неверующий уже осужден» (Ин. 3,18).

Русский народ по-детски искренне и глубоко был убежден, что спастись, т.е. избавиться от греховных привычек и страстей возможно лишь полностью предав свою жизнь Христу. Именно поэтому огромную роль в формировании идеала христианской жизни играли монастыри. Они решали задачи образования и просвещения в формах, специфических для той идеи, которая явилась исходной для их возникновения.

В основе института монашества лежала идея воплощения аскетического идеала христианства. Идея аскезы вытекала из самого противостояния духа и тела, из пребывания борьбы с плотским, греховным во имя светлого и святого. Она выполняла задачи организации состояний и чувств сердца, возвращала утраченную целостность мировосприятия.

Промысел Божий о душах различен. Вместе с тем, людей объединяют сходства единой природы, и потому есть возможность изучать и описывать общие условия и свойства жизни души в Боге. Аскетическая теория и практика на протяжении многих столетий являлись для Православия главным направлением духовной работы. Она охватывает собой все сферы религиозного опыта, обеспечивая их правильную и эффективную регуляцию. Ни воцерковление, ни христианская жизнь вообще - неотделимы от аскетического начала и нуждаются в его руководстве. Труды отцов и учителей Церкви: Иоанна Златоустого, Василия Великого, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, были очень популярны и читаемы в русских монастырях, куда за духовной поддержкой приходили простые крестьяне, ремесленники, торговый люд. Многие люди работали в монастыре «по обету» в благодарность за рождение долгожданного ребенка, избавление от болезни либо напасти, жили на послушании. Они впитывали слова поучений святых подвижников благочестия и несли их дальше, в свои деревни и города.

В восточно-христианской, православной духовности, аскетическая теория и практика очень быстро распространились на жизнь мирян, и встала в самом центре традиции и церковного опыта. Именно она легла в основе православной традиции воспитания и образования. Воспитание начиналось с пробуждения в ребенке любви ко Христу. Хотя,

часто в таком обществе, религиозное чувство зарождалось само по себе, как-то бессознательно. Но, тем не менее, путь непосредственной веры и тогда был путем немногих избранных душ. В других веру необходимо было воспитывать, и это воспитание веры принадлежало к числу важнейших задач жизни.

С древности, и вплоть до конца XIX века, считалось, что детство это незначительный по времени, но очень важный для духовного становления период в жизни человека. Поэтому, христиане во все времена, при воспитании детей особенно дорожили первыми годам детства. Они стремились предупредить период полного развития разума и свободы, чтобы употребить природу детей для достижения благих целей, глубже запечатлеть на детской душе истины веры и расположение к добродетели. «Душе,- говорили учителя Церкви родителям,- с первых лет получающей впечатления слова Божия, трудно забыть страх божий. Нежный возраст легко принимает и, как печать на воску, напечатлевает в душе то, что слышит; преимущественно с этого времени жизнь наклоняется к добру или ко злу. Если, начиная от самых дверей жизни, отводя их от зла и наводят на путь правый, то добро обращается у них в господствующее свойство и природу, потому им не так легко перейти на сторону зла, когда сама привычка будет влечь их к добру. Отец небесный хотел, чтобы каждый возраст был совершен в благочестии, не исключая из этой обязанности ни одного возраста, так что и самым малолетним детям обетовал победу над грехом».[2, с. 21]

Огромное значение имели для не пробудившегося еще сознания первые теплые и чистые впечатления веры, которые и определяли основы ценностной структуры личности, укорененной в социальном архетипе. Лампады перед старыми иконами, молитвы родных, благо-вест, доносившийся с колоколен. Все это приводило к тому, что дети не сомневались в существовании Бога и их сознание способно было охватить идею Божества.

Слова Спасителя «утаил еси сия от разумных, и открыл еси та младенцам» открывают законное поле для весьма важных догадок. Юная душа, начав рано свою религиозную жизнь, часто еще в младенческом возрасте поднималась очень высоко в духовном и религиозном развитии, созерцая тайны на границе двух миров.

Детскому возрасту, конечно, не понятны догматические тонкости, но им и не пытались их объяснять, помня о том, что в детях, важнее всего укреплять живое чувство любви к Богу. Чувство, что есть высшее, всемогущее, прекраснейшее Существо, Которому все открыто, Которое всегда готово выслушать, понять человека и откликнуться ему. И пусть

сначала ребенок обращался к Богу со своими детскими просьбами; это и есть та простая и непосредственная вера, та крепкая вера, которая потом, конечно, с созреванием человека, принимает иной оттенок. Видимо не случайно, человек, первое, что видит в православном храме – это образ ребенка, образ юной Девы Богородицы с младенцем на руках, вызывающий ощущение, что это самое главное в христианстве. Складывается впечатление, что Церковь заботится, чтобы человек в течение всей своей взрослой жизни помнил об этом самом первом, самом важном явлении Иисуса Христа в мир. Дальше человек узнает, что Христос – Бог, Мудрость, Мысль, Слово, Истина и Жизнь. Но все это сначала предстает в образе младенца, словно именно это явление - ключ ко всему остальному в христианстве.

Одним из важных и самых захватывающих событий была первая исповедь. По учению святых отцов Церкви, даже в самом нежном возрасте зачатки греховных наклонностей уже прослеживаются, но не обладают пока сознательной силой. «Прежде страстных помышлений в детях наблюдаются и естественные движения к страсти, но они содействуют не греху, а естественному развитию тела; поэтому они и не дурны в том возрасте».[3, с. 409] Обычно, ребенок впервые исповедовался в 3 - 7 лет, возраст не имел особого значения, все дело было в духовной готовности осознано принести покаяние. Здесь особая роль принадлежала совести. Совестьливый ребенок с чрезвычайной тщательностью исследовал свою совесть, выискивая на ней мельчайшие пятна. Груз его незначительных детских проступков казался ему страшным; вина его перед Богом - бесконечной. Он трепетал перед Божьим судом. Но после отпущения грехов, какая чистая радость сходила на душу ребенка. Христиане всеми силами стремились к тому, чтобы в возрасте, еще далеко от всех искушений, человеческая душа ощутила такую сладость, даваемую здоровой духовной жизнью и участием в таинствах, чтобы потом в самом воспоминании этих высоких блаженных минут заключалась сдерживающая и охраняющая против всяких соблазнов сила.

Основы социального архетипа православия передавались в процессе общения с искренне верующими людьми, вера которых невольно передается и перенимается, и зажигает души и детей и взрослых. Поэтому многие семьи общались с каким-нибудь старцем высокой жизни и были его духовными чадами. Для православного человека, было в высшей степени важно, иметь перед глазами живой образ совершенного человека. Хороший и ревностный духовник мог помочь углубить живое религиозное чувство.

Все что облагораживало, смягчало сердце человека, использовалось в деле борьбы за детскую душу. На нее ложились возвышенные впечатления торжественных церковных служб - особенно таких, которые отличались своей образностью, как службы Вербной Субботы, Страстной недели, Пасхи, Троицы, Богоявления.

Не только радости, но и страдания считались одним из верных путей к Богу. Ребенок с чуткой душой рано узнавал страдание, и его не ограждали от этого. Страдание бесконечно в разнообразии своем. Это далеко не всегда сиротство и бедность. Это еще детское ощущение покинутости и одиночества, умение ощутить чужую боль. Где юная, верующая душа найдет утешение? Только во Христе и со Христом. Видимо поэтому, многие дети первых христиан угодили Богу и были причислены Церковью к лику святых, так как имели дух и мужество явиться перед мучителями, исповедовать перед ними свою веру в Иисуса Христа и принять мученическую смерть за Его имя. Поэтому и детство великих праведников было приготовлением их к последующей высокой жизни.

Известно, что дети христиан проявляли склонность к пастырству, в которой проявлялась высшая степень религиозного настроения. На первый взгляд это выглядело игрой, дети произносили богослужебные возгласы на распев, подражали каждению.

Часто подобного рода игры подвергались осуждению, их считали кощунственными. Но дело в том, делалось ли это с тем, чтоб только передразнить духовенство, или делалось по непреодолимой внутренней потребности, в самом сосредоточенном настроении.

В житийной литературе не редко встречаются описания подобного проявления религиозного чувства у будущих столпов истины. Они еще раз подтверждают особое значение раннего религиозного опыта и просвещения в реализации и сохранении на протяжении всего жизненного цикла адекватной мотивации участников социально признанных моделей действия.

Приведем только один пример, ярко описанный православным писателем начала XX века.[4, с. 90] Афанасий Великий, в детстве часто играл со сверстниками на морском берегу. Недалеко находился дом архиепископа, который иногда смотрел на игры детей.

Маленький Афанасий чрезвычайно любил церковные обряды, и ему нравилось исполнять их, подражая тому, что он наблюдал в церкви. И, между прочим, он над некоторыми из своих сверстников, в воде недалеко от берега совершал обряд крещения.

Архиепископ остановился на мысли: если обряд совершен с благоговением и верою, можно ли считать, что тут было совершено воистину таинство крещения. Он собрал по этому поводу совещание, и было решено - вменить этим детям крещение, как истинное, и считать этих языческих детей крещенными.

Таким образом, религиозная жизнь и ранний духовный опыт приводили к органичному встраиванию новых поколений христиан в лоно православной традиции, что способствовало формированию устойчивого социального архетипа.

Христианская традиция, основываясь на антропологическом понимании единой природы человека, определяет детство, как образ духовной целостности, нравственного возрастания, приобретения навыков и ответственности, не очерчивая, четко, его временных рамок.

Поэтому, по отношению к Богу, всю православную традицию можно определить как мир детства, «младенчества во Христе».

Особое значение в становлении социального архетипа православия принадлежит аскетической теории и практики, сложившейся в монастырях. Именно аскетика лежит в основе воспитания веры, раскрытия совести, формирования воли к добру и образования. При этом начиная воспитание с младенчества, христиане не забывали о духовно-телесной природе человека. Обращали пристальное внимание на все главнейшие силы его души: на ум, волю и сердце. Ведь, если христианство раскрывает нам присутствие во всем, за всем и надо всем последней, целостной божественной реальности без которой ничего не имеет смысла, то и постичь ее можно только целостным восприятием, выраженным в словах «будьте как дети». Именно к этому призывает Христос, когда говорит, что «кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Мк.10:15).

Специфика формирования социального архетипа православия, в том, насколько детство человека было наполнено впечатлениями веры, насколько была открыта его совесть. Но его главная тайна – примет ли человек в свое сердце то, что поэт назвал «вечной детскостью Бога».

Библиографический список

1. Шмеман Александр прот. Проповеди и беседы [Текст]/ Отец Александр Шмеман. – М. – Паломник, 2002.
2. Рачинский С. Христианское воспитание детей [Текст]/ С. Рачинский. - М.- Синодальная типография, 1905.
3. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы [Текст]/ Архимандрит Киприан (Керн). - М., 1996.
4. Поселянин Е. Идеалы христианской жизни [Текст] // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости.- № 2.- 1991.

The Mystery for Social Archetype of Orthodoxy

Summary: The image of the childhood as a basis and a fundamental element of a social archetype of Orthodoxy is considered in the article. Various approaches to the definition of «archetype» are analyzed, the conclusion about necessity of more accurate definition of structure and sources of a social archetype of Orthodoxy is drawn.

Key words: archetype, social, Orthodoxy, tradition, childhood, image, austerity, russian, nation, mystery

Тајна социјалног архетипа православља

Сажетак: У раду се разматра лик детињства и фундаментални елемент социјалног архетипа Православља. Анализирајући различите приступе одређења појма 'архетип', сачињава се извод о нужности далеко јаснијег одређења структуре и извора социјалног архетипа православља.

Кључне речи: архетип, социјално, Православље, традиција, детињство, лик, аскеза, руско, народ